

© 2006 г. В. БРОЙ

ФЛЕКТИВНЫЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается система глагольных видов в молизско-славянском микроязыке на территории южной Италии, т.е. образование форм и взаимодействие функций деривационной (СВ : НСВ) и флективной (имперфект : перфект) видовых оппозиций. Описание основывается на модели “интеракции лексики с аспектом (видом)” [ИЛА], включая проблему маркированности видовых граммем, роль предельности и интеграцию заимствованных слов. Под влиянием итальянского языка и его диалектов молизско-славянский язык приблизился к романскому типу: в области видов это вытекает, например, из исчезновения аориста до являющегося все еще живой видовой граммемой имперфекта. Данные были получены с помощью проведенных в Италии исследований.

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящается особенностям системы глагольных видов в молизско-славянском языке (МСЯ) в южной Италии относительно образования форм и функций ее граммем¹. При этом затрагиваются проблемы взаимодействия функций родной славянской видовой оппозиции с имеющейся также в романских языках оппозицией имперфекта и аориста, включая категорию таксиса, проблематику маркированности и интеграцию заимствованных слов. Важную роль здесь играет также классификация акциональной лексики, особенно относительно критерия предельности.

МСЯ – славянский микроязык в южно-итальянском регионе Molise (провинция Campobasso), носители которого живут в трех деревнях на холмистой территории, приблизительно в 30 км от побережья Адриатического моря. Предки сегодняшних молизских славян пришли, как доказывают диалектные особенности, 500 лет назад из герцеговинской долины реки Неретва и говорили на южнославянском штокавско-икавском диалекте (ср. формы *što* ‘что’, *dvi* ‘две’). Самым близким к МСЯ стандартным языком с точки зрения генетического родства является хорватский литературный язык. Но из-за полутысячелетнего влияния романских языковых систем в МСЯ наблюдаются адстратные влияния на всех языковых уровнях, вследствие которых он сильно приблизился к романскому языковому типу. В истории МСЯ различаются два основных периода романского влияния, во-первых, сначала исключительный контакт с итальянско-молизским диалектом и, во-вторых, уже более чем 100-летний контакт с итальянским литературным языком.

МСЯ находится сегодня в ситуации абсолютного языкового контакта, это значит, что все говорящие овладевают, по крайней мере, также и одним вариантом итальянского. В двух деревнях, Acquaviva Collecroce (в молизско-славянском Kruč) и Montemitro (Mundim-

¹ Данные были получены с помощью исследования в Италии в рамках проекта A15 “Абсолютный языковой контакт славянских микроязыков” специального научно-исследовательского центра “Вариантность и развитие в лексиконе” университета г. Констанц, при финансовой поддержке Немецкого исследовательского общества (DFG, Sonderforschungsbereich 471). Настоящая статья основывается на первоначальной разработке тематики глагольного вида в МСЯ на немецком языке [Breu 2003].

itar), МСЯ остается до сегодняшнего дня живым разговорным языком большинства населения (приблизительно 1500 человек), в то время как в третьей деревне, San Felice del Molise (Filič), он почти полностью исчез из общественного употребления. Общие диалектные различия довольно значительны, однако относительно глагольного вида они кажутся скорее малыми. Настоящая статья ссылается, если не отмечено другое, на говор главной местности, Аквавивы².

2. СОСТАВ ФОРМ МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

2.1. Флективная видовая оппозиция

Славянские языки, находящиеся под интенсивным влиянием неславянских языков, например, лужицкий в контакте с безвидовым немецким, отличаются в общеславянских рамках особым поведением глагольного вида³. МСЯ представляет собой, в отличие от лужицкого, тот специальный случай, когда контактные языки, в этом случае романские, также имеют категорию глагольного вида (или аспекта) в форме “флективной”, точнее морфо-синтаксической, синтетически-аналитической видовой оппозиции в прошедшем времени.

В общероманских рамках видовая оппозиция включает в себя три грамлемы: имперфект, аорист (по-итальянски *passato remoto*) и перфект (*passato prossimo*)⁴, которые нам известны также из истории русского языка. В МСЯ из старых времен сохранилась, из-за утраты аориста и его замены перфектом, только двучленная оппозиция:

(1) МСЯ: (Ø) имперфект перфект

Система (1) на первый взгляд похожа на ситуацию в тех говорах сербохорватского (= боснийского/сербского/хорватского) языка, в которых синтетические формы глагольного вида, в принципе, еще продолжают существовать, но в ограниченном размере. При этом есть, однако, одно очень заметное различие: в этих говорах сохранился, напротив, аорист, в то время как имперфект исчез и передал свои функции перфекту. Даже в тех вариантах сербохорватского языка, в которых используются еще обе синтетические видовые грамлемы, имперфект употребляется реже аориста⁵.

² Об общей характеристике сегодняшней ситуации МСЯ (см. [Breu 1990]); о самых важных феноменах языкового контакта в молизско-славянской грамматике (см. [Breu 1998]). В приложении к словарю [Breu, Piccoli 2000] представлены фонологическое описание и краткая грамматика говора Аквавивы. Классическое описание общей ситуации и языка славян в Молизе к началу XIX века представил [Rešetar 1911]. Подавляющее большинство молизских славян пишет и читает только по-итальянски, но является неграмотным относительно родного языка. Т.е. МСЯ употребляется в большинстве своем только устно. Несмотря на это, есть и свидетельства письменности, прежде всего стихи и другие краткие тексты некоторых интеллигентов, отчасти с влиянием (сербо)хорватского языка [здесь и далее написание названий языков авторское. – *Ред.*]. Собрание таких “литературных” текстов дает Дуличенко [Дуличенко 2003: 128–177].

³ Такое влияние проявляется, конечно, менее интенсивно в нормированном литературном языке, чем в диалектах и в разговорной речи. К вопросу видовой системы в верхнелужицком разговорном языке (см. [Breu 2005]).

⁴ О сравнении итальянской и русской видовой системы с функциональной точки зрения (см. [Брой 1998]).

⁵ Наблюдение над употреблением аориста и имперфекта в сербохорватских говорах обобщил Ивич (см. [Ivič 1958: 120]): “Das Imperfekt wurde in einem beträchtlichen Teil des štok. Territoriums (Norden und Westen), der Aorist nur in einigen Randmundarten ganz ausgelöscht, während in manchen anderen Mundarten sein Gebrauch reduziert wurde”. [Имперфект на большей части штокавской территории (север и запад) исчез полностью, исчезновение аориста произошло только в некоторых окраинных говорах, в других говорах его использование было редуцировано.] В кон-

Схема (2) показывает вероятные этапы утраты флективных видовых форм в сербохорватском языке (схрв.) и его диалектах на Балканском п-ове: от консервативной полной системы (2а), через частичную редукцию (2б), которая еще существует в малопрогрессивных говорах, до полной утраты супплетивных форм (2в) в самых прогрессивных вариантах современного сербохорватского:

(2а)	↓ консервативный схрв.	аорист	имперфект	перфект
(2б)	↓ этап утраты I	аорист	(Ø)	перфект
(2в)	↓ этап утраты II	(Ø)	(Ø)	перфект

Если исходить из того, что в период иммиграции молизских славян, оппозиция имперфекта и аориста существовала еще на всей сербохорватской языковой территории, что доказывают письменные документы того времени, то на первоначальной родине и в Италии произошли два противоположных развития: там сохранился аорист, а здесь – имперфект⁶. Исчезновение имперфекта при одновременном сохранении аориста – явление, присущее не только сербохорватскому. Оно является как раз одной из исторических констант славянских языков⁷.

Что касается итальянского, то консервативный итальянский литературный язык в (3а), также, как и консервативный схрв. в (2а), сохраняет как имперфект, так и аорист, в то время как разговорный язык довольно большей части Италии, который испытал на себе влияние северного итальянского, и который также является контактным языком для МСЯ, больше не знает аориста. Утрата аориста наблюдается, кроме того, также в местных молизских говорах итальянского языка. Из этого следует, что все контактные

клетном случае косовско-резьянского диалекта [Ivić 1958: 237] утверждает, например: “Alle Mundarten dieses Dialekts kennen den Aorist, wobei der Umfang seines Gebrauchs in den Banat-Mundarten eingeschränkt ist. Das Imperfekt ist in den Mundarten südlich der Donau bekannt... aber fehlt im Banat. Dies stimmt im Prinzip mit dem Stand im Šumadija-Vojvodina-Dialekt überein”. [Всем говорам этого диалекта известен аорист, хотя его использование в говорах Баната ограничено. Имперфект используется в говорах южнее Дуная... но отсутствует в Банате. Такое положение совпадает, в принципе, с ситуацией в шумадийско-воеводинском диалекте.] Имперфект исчез даже на северо-восточной части территории восточно-герцеговинского диалекта [Там же: 145]. Также в литературных языках имперфект используется реже аориста. См., например [Raguž 1997: 185] о хорватском аористе: “Aorist... nije tako čest, ali je češći nego što se to tvrdi u hrvatskim gramatikama... Osobito je čest u književnim i povijesnim tekstovima”, и в противоположность этому об имперфекте: “Praktično je imperfekt u suvremenome jeziku iščezlo glagolsko vrijeme”. То же у [Barić et al. 1997: 413]: “Aorista danas uglavnom nema u razgovornom jeziku i informativnim tekstovima. U književnim se djelima upotrebljava češće od imperfekta i daje im jaku stilsku obilježnost”.

⁶ Это положение заметил уже Rešetar [Rešetar 1911: 186], который впоследствии делает важное замечание об использовании имперфекта в сербохорватском языке того времени [Там же: 216]: “...ich habe in der kurzen Zeit, während welcher ich unter den Kolonisten weilte, viel mehr Beispiele des Imperfektums gehört, als mir dies im Verlaufe von Dezennien im Verkehre mit dem Volke und mit Gebildeten in, bzw. aus den verschiedensten serbokroatischen Gegenden zu teil wurde” [“...за короткое время, в течение которого я был среди колонистов, я слышал намного больше примеров имперфекта, чем мне за десятилетия довелось слышать в общении с простым народом и образованными людьми, живущими в различных областях сербохорватской территории или приходящими оттуда”].

⁷ О старорусском (см. [Успенский 1987: 144 и сл.; Klimonov 2001: 129]) исчезновение в русском имперфекта (XII–XIII вв.) до аориста (XIV–XV вв.) объясняет его маркированностью на уровне выражения в форме суффикса *-a-*. Но собственно говоря, такая чисто формальная причина должна была бы быть действительной для всех славянских языков, в том числе также и для МСЯ. И всеобщее объяснение Климоновым (см. [Klimonov 2001]) исчезновения синтетических видовых форм, основанное на возникновении и распространении оппозиции целостности, при “нормальном” языковом развитии должно было бы также проявиться и в МСЯ, так как он в этом смысле тоже полностью развит, см. ниже.

языки МСЯ имеют редуцированную видовременную структуру (3б), которая совпадает полностью со структурой сегодняшнего МСЯ в (1)⁸:

(3а)	↓ консервативный итал.	аорист	имперфект	перфект
(3б)	↓ этап утраты итал./мол.	(Ø)	имперфект	перфект

Обзор других романских языков, например, французского и румынского, подтверждает, что исчезновение аориста до имперфекта является диахронической константой романских языков. Из этого ясно, что МСЯ, хотя и следует общеславянской тенденции (утрата флективной категории вида), в соревновании диахронических констант последовал пути романских языков. Ареальное влияние языкового контакта одержало победу над генетическим родством.

Это утверждение доказывается, по-моему, словенско-резьянским языком, на котором говорят в северо-итальянском регионе Friuli-Venezia Giulia (провинция Udine) и который также состоит в языковом контакте с романскими языками. Синтетические видовые формы в нем, в принципе, еще существуют, в отличие от генетически родственного ему словенского литературного языка и его современных диалектов, но опять-таки эти формы относятся исключительно к историческому имперфекту⁹.

Что касается плана выражения “флективной” (синтетическо-аналитической) категории вида в МСЯ, то ее грамлеммы представлены родными славянскими формантами. Т.е. в МСЯ перфект также образуется с помощью клитических форм настоящего времени глагола *bit* ‘быть’ и причастия на *-l* (который переходит в *-a* на конце слова), но в отличие от сербохорватского языка исключительно в этом порядке слов (вспомогательный глагол перед причастием), например, в глаголе *vrč* ‘поставить’: *sa vrga* (жен. *sa vrl^a*), *si vrga*, *je vrga*, *sma vrl*, *sta vrl*, *su vrl*¹⁰. Имперфект имеет в 1-м лице ед. числа окончание *-h^u*,

⁸ Изоглосса между потерей аориста вблизи побережья и его сохранением внутри страны проходит по горной цепи Monte Mauro позади Аквививы. Все говоры, находящиеся по направлению к морю, среди них также говор главной местности Palata, не обладают аористом. Говоры славянских деревень полностью входят в этом отношении в итальянский диалектальный континуум. Кстати, для албанских говоров Molise это не действует. Наряду с имперфектом здесь также сохранился и аорист, но нет аналитического перфекта в изъявительном наклонении; объяснение см. [Breu 1990: 58]].

⁹ Ср. [Ramovš 1947–1949: 144], который также указывает на то, что Бодуэн де Куртене в 1873-м г. нашел еще две формы аориста, которые к сегодняшнему времени исчезли. О сегодняшнем использовании имперфекта в резьянском говоре села San Giorgio (см. [Steenwijk 1992: 182]); речь здесь больше идет не о видовой грамлеме изъявительного наклонения, а об условной форме, которая выражает нереальное действие (ирреалис). Потеря видовой функции произошла, по всей вероятности, недавно; ср. [Benacchio 1998: 226]. Можно предположить, что моделью для функции нереальности явилась вторичная функция итальянского имперфекта (*se facevo* = *se avessi fatto* ‘если бы я сделал’), которая присутствует также и в МСЯ; см. [Breu 1999a: 246]. Интересным для исследования могло бы стать нахождение причин того, почему в резьянском, в отличие от МСЯ, сохранилась только эта второстепенная функция имперфекта, в то время как в видовых функциях он был заменен формой несовершенного вида прошедшего времени на *-l*.

¹⁰ В говоре Аквививы первоначальные краткие *-e*, *-o* и *-a* на конце слова превращаются в шепотный (редуцированный и глухой) *-a*, в то время как *-i* отпадает полностью. О фонологических правилах МСЯ, говора Аквививы, особо об аканье, о шепотных гласных и о “шкале их силы” (т.е. тенденции к утрате или сохранению), см. [Breu 1999b]. Шепотные гласные, которые в этом и в следующем примере написаны маленьким шрифтом, в дальнейшем пишутся нормально. В Montemitro (Монтемитро) форма 2-го лица ед. числа *si vrga* факультативно употребляется также и для выражения 1-го лица ед. числа наряду с формой *se vrga*. Во множественном числе, по причине отсутствия аканья в этом говоре, формы звучат: *sno vrl*, *ste vrl*. Первоначальный *-i* в суффиксе причастия во множественном числе здесь также исчез, в противоположность говору San Felice, где он сохранился при определенных синтаксических условиях.

расширенное с исторической точки зрения шепотным гласным *-u*, и совпадающее с 3-м лицом множественного числа, что, возможно, является результатом структурного влияния итальянского языка, ср. [Breu 1999a: 245]. Остальные формы объясняются аканьем и аналогическим распространением согласного *-h*-. *vržah^u*, *vržas^a*, *vržas^a*, *vržahm^a*, *vržah^t*, *vržah^u*¹¹.

2.2. Формальное выражение деривационной видовой оппозиции

После представленного выше описания флективного глагольного вида возникает вопрос о судьбе типично славянской видовой категории, которую в отличие от флективной оппозиции имперфекта и перфекта упрощенно можно назвать “деривационной”, так как она выражается словообразовательными элементами. Несмотря на влияние языкового контакта, она хорошо сохранилась. Т.е. в МСЯ существуют еще все обычные формальные способы образования видовых пар (= полных видовых глагольных лексем): префиксация, суффиксация и супплетивизм¹². Для образования совершенного вида (СВ) используются различные грамматические префиксы, как *za-*, *u-*, *po-* в (4а). В образовании несовершенного вида (НСВ) доминирует суффикс *-iva-*, хотя существуют и другие типы образования, см. (4б)¹³. Также встречается суффиксальная оппозиция, как в (4в); в (4г) приведены примеры супплетивных видовых пар:

(4а) <i>gušit</i> (НСВ) → <i>zagušit</i> (СВ)	‘душить – задушить’
<i>krest</i> (НСВ) → <i>ukrest</i> (СВ)	‘красть – украсть’
<i>solit</i> (НСВ) → <i>posolit</i> (СВ)	‘солить – посолить’
(4б) <i>kazivat</i> (НСВ) ← <i>kazat</i> (СВ)	‘показывать – показать’
<i>urnjivat</i> (НСВ) ← <i>urnit</i> (СВ)	‘всовывать – всунуть’
<i>umirat</i> (НСВ) ← <i>umbrit</i> (СВ)	‘умирать – умереть’
(4в) <i>ničat</i> (НСВ) ↔ <i>niknit</i> (СВ)	‘рождаться – родиться’
<i>badat</i> (НСВ) ↔ <i>badnit</i> (СВ)	‘дотрагиваться – дотронуться’
<i>počivat</i> (НСВ) ↔ <i>počinīt</i> (СВ)	‘отдыхать – отдохнуть’
(4г) <i>mečat</i> (НСВ) : <i>vrč</i> (СВ)	‘ставить – поставить’
<i>govorat</i> (НСВ) : <i>reč</i> (СВ)	‘говорить – сказать’
<i>prohodat</i> (НСВ) : <i>prokj</i> (СВ)	‘проходить – пройти’

В случае префиксального образования часто встречаются видовые тройки. Так, наряду с *gušit* в (4а) существует вторичный глагол несовершенного вида *zagušivat*, а наряду с *krest* имеется инфинитив *kredat*, образованный от основы настоящего времени. Речь в этом случае идет о свободных вариантах, хотя выбор той или иной формы может зависеть от конкретной лексики, от контекста или от самого говорящего. Видовые тройки, образованные двумя типами префиксации, встречаются, напротив, значительно реже, так как чаще всего только часть значения симплекса может быть выражена приставочным партнером. Согласно принципу “категориальной омонимии” [Breu 1984: 132–134], в таких случаях могут быть приняты различные лексемы с расщеплением значения несовершенного вида на два или более отдельных глагола, например, *nosit*/*ponit* ‘нести/понести’ : *nosit*₂/*donit* ‘нести/принести’ или *sijat*/*posijat* ‘сеять/посеять (пшеницу)’ : *sijat*₂/*nasijat* ‘засеивать – засеять (поле)’. От таких случаев надо отличать чисто лексиче-

¹¹ В Монтемитро по причине отсутствия аканья окончания звучат: *-hu*, *-še*, *-še*, *-hmo*, *-hte*, *-hu*.

¹² В дальнейшем представлен только очень короткий отрывок возможностей образования. В [Breu, Piccoli 2000] видовые пары МСЯ Аккавивы описаны полностью с помощью сетевой системы ссылок.

¹³ В говоре Montemitro вместо *-iva-* в качестве суффикса образования несовершенного вида чаще употребляется *-ilja-*, например, *kupiljat* ‘покупать’ (НСВ) в отличие от *kupivat* в Аккавиве. Оба глагола являются производными от *kupit* (СВ) и в обоих говорах имеют вариант *kupovat*; точно так же *ubiljat* (вариант *ubijat*) ‘убивать’ в Montemitro в отличие от *ubivat* (= *ubijat*) в Аккавиве к *ubit* (СВ); о видовых формах в говоре Montemitro ср. [Piccoli, Sammartino 2000].

скую омонимию, возникшую в результате звукового совпадения этимологически различных корней; ср., например, лексемы *ljutiti/zaljutiti* 'проглатывать/проглотить' и *ljutiti/zljutiti* 'приправлять/приправить остро (еду)'.

В отдельных случаях полная видовая лексема может состоять из большего числа глаголов одного или другого вида, которые свободно варьируются; ср., например, варианты глаголов со значением 'сокращать/сократить' *kratnit* $\approx$ *kratnjivat* $\approx$ *zakratnjivat* (НСВ); *skratnit* $\approx$ *zakratnit* (СВ) или глаголы со значением 'открывать/открыть' *otvarat* $\approx$ *otvorat* $\approx$ *tvarat* $\approx$ *tvorivat* (НСВ); *otvorit* $\approx$ *ivorit* (СВ).

В МСЯ, как и в других славянских языках, есть также и одновидовые глаголы, например, несоотносительные глаголы НСВ (*imperfectiva tantum*) в (4д) и несоотносительные глаголы СВ (*perfectiva tantum*) в (4е):

(4д) *sa verat* 'тонуть (в болоте)'; *rižat* 'быть острым (нож)'; *stajat* 'помещаться'

(4е) *ujahat* 'сесть на коня'; *jiznit* 'вынуть'; *zagledat* 'взглянуть'

Подытоживая, можно сказать, что деривационная видовая морфология МСЯ осталась в общеславянских рамках, несмотря на то, что число морфологических вариантов в ней заметно выше, чем обычно, как с точки зрения языкового общества в целом (в отношении от одного говорящего к другому), так и в индивидуальном (у одного и того же говорящего) виде. За это, наряду с непрекращающейся продуктивностью множества способов образования видовых основ, отвечает, прежде всего, выравнивание основ по аналогии, которое, ввиду отсутствия нормы и под действием общего ослабления чувства "правильной формы" в ситуации языкового контакта, является вирулентным и не имеет стабильных результатов.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЕИХ ВИДОВЫХ ОППОЗИЦИЙ

Обратимся теперь к функциям представленных в МСЯ видовых категорий. Важно то, что в прошедшем времени всегда выступает комбинация одной граммемы из каждой оппозиции (деривационной и флективной). В настоящем и будущем наличествует только деривационная видовая оппозиция славянского типа. Описание функционирования вида в МСЯ основывается на модели "интеракции лексики с аспектом (видом)" (ИЛА), т.е. взаимодействия вида с аспектуальными глагольными значениями (см. [Брой 1997; Вгеи 2000]). При этом модель ИЛА ограничивается здесь неотъемлемыми основами теории для описания молизско-славянской системы.

3.1. Классификация лексического значения

Мы исходим – как это представлено в (5) – из деления глагольных значений на два акциональных класса: на предельные и непредельные глагольные значения. При этом признак предельности относится, как известно, к присутствию или отсутствию внутреннего предела, цели действия¹⁴:

(5а) **предельный**: ∃ внутренний конечный предел (цель) действия

(5б) **непредельный**: ∄ внутренний конечный предел (цель) действия

¹⁴ В теории ИЛА эти классы подразделяются дальше. Так, на основе образа достижения цели (точный или градуальный процесс) могут быть выделены два предельных подкласса, тотально-предельный, как в лексеме *nakji/nahodat* 'найти/находить' и градуально-предельный, как в *sfašat/sfašivat* 'развернуть/разворачивать'. Непредельные лексемы также не образуют монолитных групп. Мы можем, например, отделить лексемы, выражающие деятельности, как *rabit* 'работать', от тотально- и относительно-статических лексем, как *koštat* 'стоять' и *ležat* 'лежать'. Сюда относятся также классы, в которых проявляется смешение предельной и непредельной характеристик, как инхотативные лексемы типа *hraniti/hranjivat* 'спрятать/прятать' (глагол НСВ выражает процесс прятанья и нахождение в состоянии спрятанности), а также инцептивно-статические лексемы типа *razumit* 'понимать/понять' (состояние и вступление в это состояние), которые будут особо рассмотрены ниже.

В основном, предельные лексемы являются в деривационной видовой оппозиции парными, это значит, что они выражаются формами двух глаголов, различающихся видом, но имеющих одно и то же лексическое значение. Исключение составляют несоотносительные глаголы СВ. Напротив, все непредельные глаголы – это касается не только глаголов состояния – в МСЯ несовершенного вида.

3.2. Классификация видовых граммем

Как в деривационной, так и во флективной видовой категории выделяются две видовые функции: лимитатив и нелимитатив; ср. пункт (6). Лимитативы, как славянский СВ, охватывают действие в целом, со всеми его внутренними пределами и результатами. В отличие от них, нелимитативы представляют действие без учета его внутренних пределов. Имперфект является, например, таким нелимитативом. Также НСВ выражает нелимитативные функции, в то время как аорист – или, если он заменен перфектом, как в молізско-славянском, то перфект – имеет функции лимитатива:

- (6а) **лимитатив:** целостный охват глагольного действия (СВ, перфект)
 (6б) **нелимитатив:** глагольное действие представлено без охвата его пределов (НСВ, имперфект)

Внутри глагольных форм происходит взаимодействие акциональной лексики с соответствующим грамматическим значением вида. Получается шкала типов взаимодействий с вытекающими из них “интеракционными значениями”, которая простирается от “несовместимости тотально-статических действий с лимитативами”, через “подчеркивание или изменение качеств пределов” (в смысле, напр., активации/достижения пределов, процессуализации или хабитуализации = неограниченного повторения), до “пустого применения”, как, например, в случае применения лимитатива к тотально-терминативным действиям.

В текстуальном отношении лимитативы применяются для изображения “изменения ситуации” (ПС), а нелимитативы – для изображения “данной ситуации” (ДС), независимо от того, идет ли речь о процессах, состояниях или о повторяющихся событиях¹⁵. Примерами этих функций в МСЯ являются предложения с переменной ситуации в (7а) и с данными ситуациями в (7б) – (7г). В (7б) представлен актуально происходящий процесс, в (7в) – длящееся состояние, а в (7г) – второстепенное состояние, вызванное хабитуальным повторением:

(7а) <i>Tuna dica su ušl.</i> [ПС]	(перфект СВ)
‘Все дети ушли’.	
(7б) <i>Kalivaša sundza.</i> [ДС]	(имперфект НСВ)
‘Солнце как раз садилось’.	
(7в) <i>Sa sumiljahu kana noća aš dan.</i> [ДС]	(имперфект НСВ)
‘Они были похожи как день и ночь’.	
(7г) <i>Tečahu sve nonda.</i> [ДС]	(имперфект НСВ)
‘Они бегали туда всегда’.	

В ситуационной сети, которая является результатом взаимодействия в тексте двух или более глаголов, возникают таксисное отношение “одновременности”, представленное комбинацией нелимитативов как одновременные процессы в (8а), одновременные состояния в (8б) и одновременность состояния и хабитуально повторяющихся действий в (8в), отношение “разновременности”, т.е. цепи действий, образующейся из комбина-

¹⁵ О признаке ВНС (“возникновение новой ситуации” = ПС) и ДС (см. [Бондарко 1995: гл. III]).

ции лимитативов, как в (8г) и (8д), и таксисное отношение “инцидентности” из соединения лимитативов с нелимитативами в (8е) и (8ж):

- (8а) *Tramjend ja govorahu, ti pisaša.* (имперф. НСВ + имперф. НСВ)
 ‘В то время, когда я говорил, ты писал’.
- (8б) *Kada biša moj muž na gveru, ja ne proživahu maj.* (имперф. НСВ + имперф. НСВ)
 ‘Когда мой муж был на войне, я никогда не отдыхала’.
- (8в) *Kada bihu divojka, čuvahu ovce aš predahu.* (3 имперфекта НСВ)
 ‘Когда я была девочкой, я пасла овец и пряла’.
- (8г) *Kada sma rival u Napulu, sma vidil nu velku navu.* (перф. СВ + перф. СВ)
 ‘Когда мы прибыли в Неаполь, мы увидели большой корабль’.
- (8д) *Sma vazal drugi tren e sma pol na drugu štacijunu veča malu.* (перф. СВ + перф. СВ)
 ‘Мы сели на другой поезд и поехали на другой более маленький вокзал’.
- (8е) *Daždaša. Sma sa skinil.* (имперф. НСВ + перф. СВ)
 ‘Шел дождь. Мы сошли [с поезда]’.
- (8ж) *Ja jimahu dudič an, ka mi umbrala mat.* (имперф. НСВ + перф. СВ)
 ‘Мне было двенадцать лет, когда умерла моя мать’.

Из добавленных в (7) и (8) грамматических определений деривационной и флективной видовой оппозиции следует, что существующие здесь комбинации относительно ДС и ПС внутренне гомогенны, т.к. несовершенный имперфект состоит только из нелимитативов, а совершенный перфект – только из лимитативов. Однако в МСЯ, что ранее было свойственно всем славянским языкам, возможны также комбинации граммем, которые относительно функций лимитативности кажутся противоречивыми. К таким принадлежат, например, комбинации имперфекта СВ и перфекта НСВ.

Перед тем как перейти к обсуждению функций таких комплексных форм, необходимо сначала рассмотреть положение в области маркированности, которая играет важную роль при взаимодействии флективного и деривационного типов видовой категоризации; ср. схему (9). В основном, является действительным, что в деривационной категории вида маркирован лимитативный совершенный вид, а во флективной категории – нелимитативный имперфект (М = маркированное, Н = немаркированное)¹⁶:

(9)	Функция вида	Маркированность вида	Тип образования
СВ	лимитатив	М	деривационный
НСВ	нелимитатив	Н	
аорист/перфект¹⁷	лимитатив	Н	флективный
имперфект	нелимитатив	М	

¹⁶ О статусе маркированности в деривационной видовой категории ср., например [Бондарко 1995: 22–25].

¹⁷ Подлинная (или первоначальная) функция перфекта – фокусирование настоящего состояния, которое является результатом действия в прошлом, например, в виде перфектно-результативного значения: *Смотри, он умер!* = *Смотри, он мертв!* В истории многих языков, например, немецкого и русского, аналитический перфект наряду с этой первоначальной функцией допускал также видовое перемещение фокуса на действие, в то время как явившееся результатом этого действия состояние оставалось второстепенным (отрицаемым) следованием. Во временном отношении это связано с переходом из настоящего в прошедшее и распознается по совместимости с наречиями, которые выражают прошлое (*Вчера он умер*), ср. [Вгел 1988]. В видовом отношении наличие результата предполагает целостное проведение действия, следствием чего становится рассмотренная в схеме (9) синонимия с аористом. Это и является причиной того, почему аналитический перфект в рассмотренных здесь языках (а также, например, во французском) полностью или частично вытеснил аорист.

Признак маркированности (М) обозначает, что данная форма выражает только соответствующую видовую функцию и больше ничего. Немаркированная форма (Н), напротив, используется как для выражения своих подлинно видовых функций, так и в тех случаях, когда оппозиция целостности/нецелостности (лимитатив/нелимитатив) нейтрализована, а именно в глагольных действиях, которые “изолированы с точки зрения вида”, так как они стоят вне ситуационной сети, например, общефактические действия.

3.3. Несовершенный перфект и совершенный имперфект

Как видно из схемы (9), в деривационной видовой оппозиции это НСВ, который используется как для выражения своей видовой функции нелимитатива, так и для выражения изолированных в ситуационной сети действий, в то время как в флективной оппозиции это аспектуально противоположный перфект, который наряду со своей собственно видовой функцией лимитатива ответствен за выражение изолированных действий. Из этого следует, что относительно собственно видовых функций противоречивая комбинация немаркированных граммем перфект и НСВ в аспектуально изолированной сфере вполне логична. Т.о., перфект НСВ ответствен за выражение общефактического значения, как, например, перфект *si jima* несовершенного глагола *jimat* ‘иметь’ в пункте (10):

- (10) *Si jima ku votu vlasa dugačke?* (перфект НСВ)
 ‘У тебя были (когда-нибудь) длинные волосы?’

Однако и комбинация двух маркированных членов с их противоположными знаками относительно лимитативности также возможна, как это видно из МСЯ еще продуктивного совершенного имперфекта. Но в этом случае необходима иерархизация функций лимитативности, т.е. сначала на лексическое значение накладывается лимитативная функция совершенного вида, и только затем – нелимитативная функция имперфекта. Это ясно показывают сложные предложения, в которых СВ сначала устанавливает таксическое отношение последовательности, на которую затем накладывается нелимитативная (стативная) функция имперфекта¹⁸.

В случае контекстуально выраженной повторяемости, например, с помощью наречия в (11а), образуется повторяющаяся цепь действий с распределительным оттенком. Глагол СВ в придаточном предложении выражает предшествование этого действия действию в главном предложении, которое выражено несовершенным видом:

- (11а) *Saku votu ka dojaša, mi nosaša nu biru.* (имперфект СВ)
 ‘Каждый раз, когда он приходил, он приносил мне пиво’.

В (11б) и (11в) наречия нет. Здесь представлены хабитуальные (т.е. неограниченно повторяющиеся) цепи действий. В русском это значение наиболее ярко выражается наглядно-примерной функцией СВ:

- (11б) *Vamaša krave, preгнаša a nosaša stinu.* (имперфекты СВ)
 ‘Бывало, возьмут коров, запрягут и тянут камень’. [букв. “возьмешь” и т.д.].
 (11в) *Znesaša onu rovači, skafaša drugu.* (имперфекты СВ)
 ‘Бывало, вынул ту лепешку, всунул другую’.

¹⁸ Общее нелимитативное значение имперфекта и несовершенного вида подразделяется на несколько частных функций. Особо выделяются процессив и статив. В последнем случае глагольные действия представлены как состояния, что в нестатических действиях вызывает, как было упомянуто выше, “интеракционное” значение (неактуального) неограниченного повторения. Имперфект СВ в МСЯ применяется именно в этой функции, являющейся также и важной функцией имперфекта СВ в современном болгарском, в церковнославянском и древнерусском языках. В современном хорватском и сербском языках и их говорах, даже в самых консервативных, имперфект с совершенным видом не совместим.

Заметим, что в настоящем времени, в отличие от имперфекта, также все варианты и диалекты схрв. имеют оппозицию НСВ : СВ. При вполне возможной прямой замене имперфекта СВ в предложении (11a) настоящим временем, например, форма *dojaša* (от *dokj* 'прийти') заменяется формой *doja* ($\approx$ *doje*) 'придет', которая также совершенного вида.

С другой стороны, совершенное настоящее в МСЯ – как в сербохорватском – не может выступать в функции будущего или актуального процесса¹⁹. То же действительно, что касается будущего в прошедшем, для имперфекта.

Формы совершенного настоящего не исключены в условных и во временных придаточных предложениях, как (11г), несмотря на то, что здесь мы не имеем дела с повторяемостью/хабитуальностью:

(11г) *Kada prisedža Ndžik, ma počka ponit na rija.* (наст. СВ)

'Когда Франческо женится, мне подобает принести подарок'.

В таких случаях речь идет о гипотетических или будущее-потенциальных действиях, имеющих со случаями повторяющейся цепи действия, как, напр., (11д) и (11е), одну общность – отсутствие временной локализованности:

(11д) *Saki dan pomuzam kozu, činim sir a si ga pojam doma.* (наст. СВ)

'Каждый день я дою козу, делаю сыр и ухожу домой'.

(11е) *Korko gvanja, norko speni.* (наст. СВ)

'Сколько он получит, столько раздаст'.

В имперфекте и настоящем времени форма СВ может быть заменена соответствующей формой НСВ, что особенно часто встречается в главном предложении, например, *nosaja* (имперфект от *nosit* 'носить, тянуть' и т.д. НСВ) в (11а) вместо СВ *ponesaja*. Противоположная замена несовершенного вида совершенным, конечно же, в общем, невозможна, так как (факультативное) использование совершенного настоящего или имперфекта ограничено их специальными функциями.

Возвратимся к случаю перфекта НСВ, т.е. к комбинации немаркированных членов обеих видовых оппозиций. Наряду с общефактической функцией такая комбинация выражает также делимитативность, т.е. эксплицитное временное ограничение действия. Здесь четко выступает немаркированность несовершенного вида, который, несмотря на свою функцию нелимитативности, совместим с временным ограничением, в то время как СВ временное ограничение, независимое от лексически данных пределов действия (т.е. цели глагольного действия), не допускает²⁰.

С другой стороны, во флективной видовой оппозиции это маркированный нелимитативный имперфект, который исключает всякое ограничение глагольного действия. Таким образом, несов. перфект *je rabija* глагола *rabit* 'работать' в (12а) не может быть заменен соответствующим несовершенным имперфектом **rabaša* так же, как и несовершенный пер-

¹⁹ Об использовании совершенного настоящего в сербохорватском см. [Mihailovic 1962]. Кайкавский и чакавский диалекты допускают (как и словенский и русский языки) использование совершенного настоящего для выражения будущего, ср. [Zima 1887: 247]. МСЯ ведет себя в этой частной области общештокавским образом.

²⁰ В общеславянском отношении ограниченная длительность глагольного действия может быть выражена также лимитативно. Это касается проходящих состояний и деятельности, поскольку СВ здесь оперирует на пределах, представленных временным качеством этих глагольных значений. При этом образуются, например, в русском глагольные пары типа *работать/поработать*, которые в модели ИЛА причисляются к чистовидовым парам. Однако необходимо отметить, что в русском языке при передаче временного ограничения применяется также и НСВ, например, *он работал два часа*, особенно в том случае, если нет включения делимитативного действия в цепь действий в ситуационной сети. В МСЯ нет делимитативных (ограничительных) глаголов СВ с приставкой *po-*. Эта приставка служит здесь наряду с образованием видовых партнеров к предельным глаголам СВ (типа *sijat/posijat* 'сеять/посеять') также и для образования интенсивного способа действия к непредельным глаголам, например, *pomisit* 'крепко месить' к *misit* 'месить'. Отсутствие в МСЯ делимитативных глаголов СВ типа *поработать* может быть связано с ограничивающей функцией немаркированного перфекта НСВ.

фект *je bra* глагола *brat* ‘собирать’ в (12б) не может быть заменен несовершенным имперфектом *berahu*, не говоря уже о совершенном имперфекте *naberahu*:

- (12а) *Džuvan je rabija tut lu joorn* [**rabaša*] (перфект НСВ)
‘Giovanni работал целый день’.
Ср. итал.: *Giovanni ha lavorato tutto il giorno*.
- (12б) *Učer sa bra masline dvi ure* [**berahu*, **naberahu*] (перфект НСВ)
‘Вчера я два часа собирал оливки’.

Только на первый взгляд несовершенный имперфект *rabahma* в (12в) является исключением из правила невозможности выражения временного ограничения имперфектом:

- (12в) *Rabahma tri dana la setiman(a)*. (имперфект НСВ)
‘Мы работали [обычно] три дня в неделю’.
Ср. итал.: *Lavoravamo tre giorni la settimana*.

На самом деле, здесь представлен еще один случай иерархии видовых функций, где над темпоральным ограничением, которое исключает употребление маркированного нелимитатива, доминирует хабитуализация, которая, как известно, принадлежит к нелимитативным функциям имперфекта. Подобным образом и несовершенный имперфект *rabaša* в (12а) вместо совершенного *je rabija* обозначал бы, что *Giovanni* работал “обычно” целый день, а не только “один раз”.

Деривационная видовая оппозиция СВ : НСВ не играет в этой иерархии никакой роли: здесь в обоих случаях должен быть применен НСВ. Таким образом, речь идет исключительно о решении конфликта внутри флективной видовой категории, которое, впрочем, точно соответствует ситуации в итальянском. И в этом языке однократное темпоральное ограничение выражалось бы перфектом (или – в тех вариантах, где он существует – аористом), т.е. в примере (12а) перфектом *ha lavorato* (или аористом *lavorò*), а в случае хабитуального ограничения в (12в) – имперфектом *lavoravamo*.

Итак, обобщив результаты взаимодействия флективной и деривационной видовой оппозиции относительно степени маркированности их граммем. Ср. (13), где представлено решение конфликтов в этой области в виде импликаций:

- (13а) $M + H \supset M$ (имперфект НСВ, перфект СВ)
(13б) $H + H \supset H$ (перфект НСВ)
(13в) $M + M \supset M/M$ (имперфект СВ)

В случае комбинации маркированной и немаркированной граммем, т.е. несовершенного имперфекта и совершенного перфекта в (13а), доминируют функции маркированной граммемы, это значит, нелимитатив – в случае имперфекта, а лимитатив (и перфектная результативность) – в случае совершенного вида.

В комбинации обеих немаркированных граммем в (13б) выражаются функции, которые совместимы равным образом как с несовершенным видом, так и с перфектом, а именно общефактическая²¹ и темпорально-ограничительная функции. Проблема ком-

²¹ Роль совершенного вида в МСЯ при изолированных действиях еще не окончательно исследована. Первые анализы показали, что в противовес сделанному выше предположению, СВ может употребляться с перфектом в случае общефактического значения: *Si maj bra/nabra masline?* ‘Ты когда-нибудь собирал оливки?’ (НСВ/СВ). Имперфект здесь в любом случае исключен. По нашим данным, можно предположить, что общефактическая функция непосредственно связана с перфектом и что деривационный глагольный вид (НСВ : СВ) здесь служит только для различения акциональных лексических значений: неопределяемая деятельность > НСВ, предельное действие > СВ; см. [Вгел 2005: гл. 4.3.4 (в печати)]. При этом надо учитывать, что общефактическая функция в приведенном примере исторически соответствует первоначальной экспериенциальной функции перфекта, которая, возможно, в отличие от той части функций сегодняшнего перфекта, исторически соответствующих аористу, не подчиняется данным в схеме (9) отношениям маркированности.

бинации обеих маркированных граммем, совершенного вида и имперфекта в (13в), которые должны были бы быть, в принципе, несовместимы, решается с помощью иерархической структуры в виде повторяющейся цепи действий или синтаксического подчинения в гипотетических предложениях.

4. ПЕРФЕКТ И ВОПРОС О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И СТАТИЧНЫХ ФУНКЦИЯХ

В приведенных выше комплексах примеров (7) и (8) процессы, как и первичные и вторичные (хабитуальные) состояния, выражались с помощью имперфекта НСВ, и в нижеследующем описании перфекту НСВ приписывались общефактическая функция и функция временного ограничения. Уже отсюда следует, что в МСЯ (в отличие от большинства других славянских языков, например, русского) несовершенный перфект (= прошедшее НСВ на *-l*) никогда не используется для выражения нелимитативности. Комбинация обеих немаркированных граммем, НСВ и перфекта, исключает, очевидно, полностью выражение типичных частных функций маркированного имперфекта, а именно выражение действий в их протекании и первичных или вторичных состояний. Так, например, также и в случае инциденции (14) замена процессуального имперфекта НСВ *sa vračaša* перфектом СВ *je sa vračal* не допустима:

(14) *Mendr ka sa vračaš^a, su ngopal vuca.* (имперф. НСВ + имперф. НСВ)

‘В то время, когда он возвращался домой, появились волки’.

Из этого следует, что развитие обычного несовершенного претеритума из несовершенного перфекта в МСЯ (в отличие от большинства других славянских языков, например, русского и сербохорватского) невозможно. Обязательное употребление имперфекта в данных случаях может быть понято как четкое указание на доминирование флективной видовой категории, поддерживаемой романскими контактными языковыми системами, над деривационной, если не рассматривать это вообще как опирающееся на языковой контакт сохранение старейших славянских видовых отношений²². Такое доминирование встречается также и в других случаях. Особенно четко оно проявляется в случае так называемых “инцептивно-статических” глаголов.

5. ИНЦЕПТИВНО-СТАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ

В состав лексического значения инцептивно-статических лексем наряду с собственным значением состояния входит также и выражение начального предела этого состояния. Поэтому в теории ИЛА они принадлежат к комплексным лексическим классам. Сравним, например, в русском видовую пару *понять/понимать*. Значение этой лексемы наряду с умственным состоянием ‘понимать’ включает в себя также и наступление этого состояния (момент, с которого начинается понимание). В русском языке этот начальный предел фокусирует с помощью своей функции лимитативности СВ. В МСЯ, напротив, значение начала вызывает исключительно перфект со своей лимитативной функцией, в то время как вид деривационного типа не играет здесь никакой роли: употребляются почти исключительно глаголы НСВ, которые выражают и само состояние.

Точно так же, как, например, в итальянском, перфект *ho saputo* от глагола *sapere* ‘знать’ переводится в ситуационной сети как ‘я узнал’, а не как ‘я знал’, так и молиско-славянский перфект *ja sa znaja* от несовершенного глагола *znat* обозначает именно ‘я узнал’, т.е. начало умственного состояния ‘знать’. Для выражения самого состояния

²² Такое ограничение употребления перфекта уже для древнейшего русского языка больше не являлось действительным, так как здесь в процессуальной и статической функциях выступал уже главным образом именно перфект НСВ, в то время как имперфект находился в стадии исчезновения. В церковнославянском языке, напротив, перфект еще не обладал этими функциями; см. [Trost 1972: 85–101].

‘знать’ в МСЯ применяется только имперфект *znadahu*, аналогично итальянскому *sapevo*. То же является действительным и для значений глагола ‘иметь’, где перфектом НСВ, как, напр., *su jimal* в (15а), выражается опять-таки инцептивное значение “начать иметь”, т.е. ‘получить’, в то время как значение (неограниченного во времени) состояния выражается исключительно имперфектом *jimahu*, см. (15б):

(15а) *Su jimal nu krijaturu*. ‘У них родился ребенок’, дословно “они получили ребенка”.

(15б) *Jimahu nu krijaturu*. ‘У них был ребенок’, дословно “имели”.

Согласно вышеописанным нормам, в случае временного ограничения употребляется перфект НСВ. Это действительно и для инцептивно-статических глаголов, т.е. перфект *su jimal* обладает также этим значением:

(15в) *Su jimal nu maginu pet gošti*. ‘У них пять лет была машина’.

Как следует, впрочем, из употребления формы *si jima* в выше приведенном примере (10), перфект НСВ выражает и у инцептивно-статических глаголов общефактическую функцию.

Инцептивное использование глаголов состояния известно, в принципе, также из истории общеславянского аориста. Однако экстензия рассмотренных глаголов, совпадающая полностью с итальянским языком, является ясным доказательством чужого языкового влияния.

6. ИНТЕГРАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ И ВИД ДЕРИВАЦИОННОГО ТИПА

Несмотря на сильное доминирование флективной видовой оппозиции вследствие языкового контакта, которое в рассмотренных случаях ярче всего проявлялось в исключении процессуальной функции НСВ в перфекте, необходимо еще раз отметить, что деривационная видовая категория, которая в романских языках не находит никакого соответствия, в МСЯ отнюдь не исчезла.

Нарушения деривационной системы встречаются очень редко. Примером такого нарушения является утрата совершенного **napisat*²³ к несовершенному и теперь двувидовому глаголу *pisat*. В таких случаях функция лимитатива выражается только флективной оппозицией. Также и постепенное исчезновение имперфекта СВ, который и у пожилых носителей МСЯ в Аквививе употребляется только факультативно, а у молодого поколения почти всегда заменяется имперфектом НСВ, является случаем ослабления (в этом случае нейтрализованной) деривационной видовой оппозиции²⁴. В сербохорватском языке и его вариантах и говорах имперфект СВ исчез уже давно, но причину надо искать здесь скорее в обратной тенденции к общему ослаблению флективной видовой оппозиции.

Ярче всего живость деривационной видовой оппозиции проявляется в ее продуктивности при интеграции заимствованных слов. Здесь МСЯ даже “положительно” отличается от русского, который в интеграции заимствованных глаголов с суффиксом *-овать* допускает, как правило, двувидовые образования типа *организовать*, которые – несмотря на возможность вторичной префиксации или суффиксации типа *сорганизовать*, *организовывать* – могли бы действовать на видовую систему разрушающе. То же является действительным и для двувидовой интеграции с *-ovati*, *-irati*, *-isati* в сербохорватском языке; ср. [Grotzky 1978: 153].

Как представлено в (16), акциональные лексические классы играют при интеграции заимствованных слов решающую роль, а именно в том, что предельные глаголы почти

²³ Глагол *napisat*, правда, существует в МСЯ, но только в качестве способа глагольного действия ‘слишком много написать’.

²⁴ Частое употребление имперфекта СВ является, напротив, одной из консервативных черт говора Montemitro у всех поколений.

исключительно интегрируются как совершенные, а непредельные – как несовершенные глаголы. В то время как интегрированные глаголы НСВ подчиняются только флективной видовой категории, к интегрированным глаголам совершенного вида всегда образуется партнер НСВ с помощью суффикса *-iva-*:

- (16) **непредельный:** *итал. глагол* → НСВ (*imperfectivum tantum*)
предельный: *итал. глагол* → СВ (⇒ вторичный партнер НСВ)

В пункте (17) приводятся примеры заимствованных непредельных глаголов, интегрированные как несоотносительные глаголы НСВ:

- (17) *pesare* ‘весить’ → *pizat* (НСВ)
bastare ‘быть достаточным’ → *baštat* (НСВ)
chiacchierare ‘разговаривать, болтать’ → *kjikjarijat* (НСВ)
capire ‘понимать’ → *kapit* (НСВ)²⁵

Во избежание омонимии, суффикс *-iva-* употребляется иногда в качестве прямого интеграционного суффикса. В этих случаях бессуффиксный симплекс не существует вообще, ср., например, *badivat* ‘заботиться’ в (18а). Можно предположить, что такая интеграция является попыткой избежания формального совпадения непосредственно (без суффикса) интегрированного глагола НСВ **badat* с родной славянской лексемой *badat/badnit* ‘дотрагиваться/дотронуться’:

- (18а) *badare* ‘заботиться, присматривать’ → *badivat* (НСВ)

Похожий случай, где конфликт омонимов возникает, однако, в самом процессе заимствования, представлен в (18б). Непосредственная интеграция непредельного *nuotare* ‘плавать’ вызвала бы здесь омонимию с предельным заимствованным глаголом *notat* ‘замечать’:

- (18б) *nuotare* ‘плавать’ → *notivat₁* (НСВ)²⁶
notare ‘замечать’ → *notat* (СВ)

Несмотря на такие яркие примеры избежания омонимии, необходимо еще проверить, не является ли действительной причиной добавления суффикса общая тенденция к связыванию несовершенного вида или непредельности в заимствованных словах с суффиксом. Такой взгляд подтверждал бы тот факт, что у некоторых глаголов существуют дублиеты, появление которых не вызвано, по-видимому, омонимией, как, например, дублиеты НСВ *sa nderesat* ≈ *sa nderesivat* ‘интересоваться’ в (18в):

- (18в) *interessarsi* ‘интересоваться’ → *sa nderesat* ≈ *sa nderesivat* (НСВ)

В (19) приведены примеры предельных глаголов, которые, как было уже сказано, интегрируются непосредственно совершенным видом²⁷, и только затем к ним внутриязычно образуется партнер несовершенного вида:

²⁵ Глагол *kapit* является инцептивно-статическим. Поэтому в перфекте этого глагола появляется описанное выше грамматическо-лексическое интеракционное значение “начала умственного состояния”, т.е. *sa kapija* (перф. НСВ) = *понял* (СВ).

²⁶ В противоположность итальянскому *nuotare* ‘плыть, плавать’, в МСЯ *notivat* нельзя употребить с указанием направления (и тем самым с целью действия), а только для выражения чистого действия ‘плавать’. Чтобы выразить, например, такой концепт, как ‘Я хочу поплыть к берегу моря’, надо сказать *Ja hočam notivat za po di riva do mor*, дословно ‘Я хочу плавать, чтобы пойти там, где берег моря’; ср. [Breu 1993: 36].

²⁷ В том, что речь здесь действительно идет о СВ в смысле славянской видовой оппозиции целостности, можно убедиться из ее “неспособности к выражению актуального настоящего”: *Što činiš?* – **Partim*. ‘Что ты (как раз) делаешь? – Я уезжаю’ (возможен только несов. *parčivam*). То же является действительным и для отсутствия значения процесса в имперфекте первичных заимствований, здесь совершенного *partahu*, в отличие от вторичного несовершенного *parčivahu*.

(19a) <i>partire</i> ‘уехать/уезжать’	→ <i>partit</i> (CB) ⇒ <i>parčivat</i> (HCB)
<i>appoggiarsi</i> ‘прислониться/прислоняться’	→ <i>sa pujať</i> (CB) ⇒ <i>sa pujiť</i> (HCB) ²⁸
<i>cominciare</i> ‘начать/начинать’	→ <i>kumendzat</i> (CB) ⇒ <i>kumendzivat</i> (HCB)

В (19б) снова представлен обсуждаемый выше глагол *notat* ‘заметить’ со своим партнером несовершенного вида, который омонимичен неопределенному глаголу *notivat* ‘плавать’ в (18б):

(19б) <i>notare</i> ‘заметить/замечать’	→ <i>notat</i> (CB)	⇒ <i>notivat</i> ₂ (HCB)

Предельные семельфактивные (однократные) итальянские глаголы в (19в), которые, как правило, имеют также непрерывно-кратное значение, интегрируются в МСЯ, как и другие предельные глаголы, совершенным видом, а непрерывно-кратное значение при этом выражается производным несовершенным видом:

(19в) <i>baciare</i> ‘поцеловать/целовать’	→ <i>bažit</i> (CB)	⇒ <i>baživat</i> (HCB)
<i>sospirare</i> ‘вздыхнуть/вздыхать’	→ <i>suspirat</i> (CB)	⇒ <i>suspirivat</i> (HCB)

Интересны случаи, когда заимствованные глаголы в языке-источнике имеют как предельный, так и неопределенный варианты, см. примеры в (20). Представленные здесь глаголы являются в непереходном значении неопределенными и относятся в этой частной области к несоотносительным глаголам HCB, в то время как в переходном своем варианте они предельны и парны. Первоначальная интеграция может и в переходном значении привести к несовершенному глаголу, но чаще в этом случае имеется глагол CB. Видовой партнер образуется в первом случае префиксацией, а во втором — обычной суффиксацией. Согласно принципу “категориальной омонимии” в теории ИЛА, в таких случаях двусмысленных по предельности глаголов можно выделить две отдельные лексемы, например, в (20а) несоотносительная по виду, непереходная и неопределенная *jokat*₁ ‘играть/поиграть’ и парная *jokat*₂/*zajokat* ‘играть/сыграть’ (на что-либо):

(20а) <i>giocare</i> ‘играть’	непер. неопред.	→ <i>jokat</i> ₁ (HCB, <i>imperfectivum tantum</i>)
	пер. предельн.	→ <i>jokat</i> ₂ (HCB) ⇒ <i>zajokat</i> (CB)

Также и в (20б) из диалектального глагола-источника *rannà* образуются две лексемы: несоотносительная по виду, неопределенная деятельность *ranat*₁ ‘полоть/пополоть’ (в винограднике) и парная *ranat*₂/*ranivat* ‘полоть/прополоть’ (виноградник)²⁹:

(20б) <i>rannà</i> ‘полоть’	непер. неопред.	→ <i>ranat</i> ₁ (HCB, <i>imperfectivum tantum</i>)
	пер. предельн.	→ <i>ranat</i> ₂ (CB) ⇒ <i>ranivat</i> (HCB)

²⁸ Как видно из основы заимствованного глагола в этом и в некоторых следующих примерах, языком-источником может служить не только итальянский литературный язык, но и молдско-итальянский диалект. За исключением примеров (20б) и (21), где нет подобных глаголов в итальянском языке, во всех остальных случаях для наглядности приводится итальянский глагол как фиктивная форма-источник.

²⁹ Это различие не является абсолютным, так как образования с *-iva-* проникают также и в неопределенную область. Таким образом, несмотря на то, что в неопределенном значении в наличии имеется делимитативный перфект HCB типа *sa rana dvi ure a pa sa sa vrnija doma* ‘я пополнил два часа, а потом я вернулся домой’, большинство носителей языка предпочитает в этом случае *sa raniva dvi ure*. Это также могло быть связанным с выше названной тенденцией к выражению несовершенного вида с помощью суффикса *-iva-*.

Категориальная омонимия является действительной и в (20в), где предельный вариант глагола *gvidat* ‘управлять’ образуется за счет введения валентности направления, например, *gvidat/gvidavat₂ utra balun* ‘вести/вводить (машину в кювет)’³⁰:

(20в) *guidare* ‘управлять’ непер. неперд. → *gvidat₁* (НСВ, *imperfectivum tantum*)
пер. предельн. → *gvidat₂* (СВ) ⇒ *gvidivat₂* (НСВ)

Двувидовость предельных глаголов составляет также и при интеграции заимствованных слов исключение. Один из таких случаев – глагол *lejit* ‘читать/прочитать’, который ведет себя так же, как и ставший двувидовым родной глагол *pisat*; ср. *je pisa list* ‘он писал/написал письмо’, *je leji³ list* ‘он читал/прочитал письмо’.

Необходимо также добавить, что некоторые славянские и романские приставки и предлоги считаются автоматическими соответствиями в диаграмматической системе молизско-славянских двуязычных индивидов. Так, итальянские *a* и *per* соответствуют славянскому *za*, что проявляется в синтаксисе, а также играет определенную роль для категории вида, например, в молизско-славянской кальке итальянской ‘имминентной’ конструкции типа *sto per partire* ‘езжаю, готовлюсь к отъезду’, по-молизско-славянски *stojim za partit*. В примере (21) автоматическое соответствие *a* : *za* обусловило частичное калькирование молизского диалектного *abburretà* ‘заворачивать/завернуть’ в гибридную форму *zabritat*, в которой славянский префикс присоединяется к романскому корню. Вторичный несовершенный партнер *zabritivat* образуется обычным образом с помощью суффикса *-iva-*:

(21) *abburretà* ‘заворачивать/завернуть’ → *zabritat* (СВ) ⇒ *zabritivat* (НСВ)

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Задачей настоящей статьи являлся краткий обзор взаимодействия деривационной и флективной видовых категорий в МСЯ. В результате обзора выявилось, с одной стороны, ясное доминирование опирающейся на языковой контакт флективной категории вида с граммемами имперфекта и перфекта над исконной славянской оппозицией с граммемами СВ и НСВ. С другой стороны, однако, проявилась поразительная продуктивность деривационной видовой оппозиции как в исконном словарном составе, так и у заимствованных слов. Важную роль в этой продуктивности играет образование несовершенного вида с суффиксом *-iva-*, однако образование партнера совершенного вида с помощью приставок также сохранилось и является в известной мере еще продуктивным.

В заключение нужно еще раз отметить, что несовершенный перфект (претеритум на *-l*) в МСЯ (в отличие от других славянских языков) не способен выражать ни актуальный процесс, ни неограниченное во времени состояние; в этих случаях обязательно использование имперфекта.

³⁰ В других случаях вырисовывается только тенденция к формальной дифференциации предельного и непредельного вариантов, особенно, если степень предельности говорящему неясна. В этом случае образуются варианты, которые показывают, что интеграция еще полностью не завершена. Например, в вышеназванных *sa nderesat* ≈ *a nderesivat* (*do njive*) ‘интересоваться (полем)’ устанавливается тенденция к использованию бессуффиксного образования, если интерес вытекает в успешное приобретение, что приравнивается к предельному варианту. Это могло бы явиться началом диссоциации на непредельный несоотнositельный *sa nderesivat₁* и парный *sa nderesat/nderesivat₂*. В названных здесь случаях категориальной омонимии с зависящим от степени предельности типом парообразования не учитывались вопросы ‘систематической омонимии’ предельного и непредельного вариантов. О рассуждениях на релевантную здесь тему образования непредельного интеракционного значения из предельного основного значения лексемы и процессуальной функции статусового вида на примере верхнелужицкого разговорного языка см. [Брой 2005].

С другой стороны, надо добавить, что и настоящее время совершенного вида в МСЯ никогда не выражает актуального процесса в отличие, например, от лужицкого, по меньшей мере, от верхнелужицкого разговорного языка, где это совершенно нормально, ср. *ja rune te blido wotrějem* ‘я как раз вытираю стол’ дословно ‘я как раз вытру стол’. Вопрос в том, что привело к столь значительным отличиям в употреблении видовых категорий в языках обоих славянских меньшинств, которые оба находятся в ситуации тесного языкового контакта с неславянскими языками, является предметом для дальнейших исследований³¹. В исследования должны войти, например, глагольный вид в языке хорватского меньшинства в австрийском Бургенланде или словенского меньшинства в австрийской Каринтии. Особенно интересна структура словенско-резьянского языка в северной Италии, который точно так же, как МСЯ, находится в абсолютном контакте с романскими языковыми системами и располагает по крайней мере еще остатками имперфекта, но в отличие от МСЯ развился “нормально-славянски” относительно выражения процессуальности с помощью несовершенного вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко 1995 – А.В. Бондарко. Семантика глагольного вида в русском языке. Frankfurt-am-Main, 1995.
- Брой 1997 – В. Брой. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов)// С. Кароляк (отв. ред.). Семантика и структура славянского вида. II. Kraków, 1997.
- Брой 1998 – В. Брой. Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист : имперфект : перфект) на основе взаимодействия с лексикой// М.Ю. Черткова (отв. ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Брой 2005 – В. Брой. Фокусный и статусный вид в верхнелужицком разговорном языке// Slavolinguistica. 3. (в печати).
- Дуличенко 2003 – А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. I. Образцы текстов. Тарту, 2003.
- Успенский 1987 – Б.А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Мюнхен, 1987.
- Barić et al. 1997 – E. Barić et al. Hrvatska gramatika. II. Zagreb, 1997.
- Benacchio 1998 – R. Benacchio. Il dialetto resiano tra slavo e romanzo: particolarità morfosintattiche// Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti. Napoli, 1998.
- Breu 1984 – W. Breu. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie// Die Welt der Slaven XXIX, N.F. VIII. 1984.
- Breu 1988 – W. Breu. Resultativität, Perfekt und die Gliederung der Aspektdimension// J. Raecke (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1987. Referate des XIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München, 1988.
- Breu 1990 – W. Breu. Sprache und Sprachverhalten in den slavischen Dörfern des Molise (Süditalien)// W. Breu (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1989. Referate des XV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München, 1990.
- Breu 1993 – W. Breu. Verben der Fortbewegung im Italokroatischen in vergleichender Sicht (Morphologie, Funktionen, Entlehnungen, Rektion) // S. Kempgen (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1992. München, 1993.
- Breu 1998 – W. Breu. Romanisches Adstrat im Moliseslavischen // Die Welt der Slaven XLIII. 1998.
- Breu 1999a – W. Breu. Der Konditional im Moliseslavischen. Ein Beitrag zur Kontaktlinguistik // K. Grünberg, W. Pothoff (Hrsg.). Ars Philologica, Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag. Frankfurt-am-Main, 1999.
- Breu 1999b – W. Breu. Phonologie und Verbkonjugation im Moliseslavischen // R. Rathmayr, W. Weitlaner (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München, 1999.

³¹ О первом сравнении категорий вида молизско-славянского и верхнелужицкого разговорного языков см. [Breu 2005].

- Breu 2000 – *W. Breu*. Zur Position des Slavischen in einer Typologie des Verbalaspekts (Form, Funktion, Ebenenhierarchie und lexikalische Interaktion) // *W. Breu* (Hrsg.). Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt. Tübingen, 2000.
- Breu 2003 – *W. Breu*. Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moliseslavischen // *T. Berger, K. Gutschmidt* (Hrsg.). Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen (= Slavolinguistica 5). München, 2003.
- Breu 2005 – *W. Breu*. Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR/MSL) // *S. Kempgen* (Hrsg.). Slavistische Linguistik 2003. Referate des XXIX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München, 2005.
- Breu, Piccoli 2000 – *W. Breu, G. Piccoli*. Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce. Campobasso, 2000.
- Grotzky 1978 – *J. Grotzky*. Morphologische Adaption deutscher Lehnwörter im Serbokroatischen. München, 1978.
- Ivić 1958 – *P. Ivić*. Die serbokroatischen Dialekte. V. I. The Hague, 1958.
- Klimonov 2001 – *W.D. Klimonov*. Natürlicher grammatischer Wandel im System aspektueller Oppositionen des Russischen // *O. Teubner, N. Fuhrhop* (Hrsg.). ZAS Papers in Linguistics 21. 2001.
- Mihajlovic 1962 – *M. Mihajlovic*. Tempus und Aspekt im serbokroatischen Präsens. München, 1962.
- Piccoli, Sammartino 2000 – *A. Piccoli, A. Sammartino*. Dizionario Croato-Molisano di Montemitro. Montemitro; Zagreb, 2000.
- Raguž 1997 – *D. Raguž*. Praktična hrvatska gramatika. Zagreb, 1997.
- Ramovš 1947–1949 – *F. Ramovš*. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1947–1949.
- Rešetar 1911 – *M. Rešetar*. Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens. Wien, 1911.
- Steenwijk 1992 – *H. Steenwijk*. The Slovene dialect of Resia, San Giorgio. Amsterdam, 1992.
- Trost 1972 – *K. Trost*. Perfekt und Konditional im Altkirchenslavischen. Wiesbaden, 1972.
- Zima 1887 – *L. Zima*. Sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine. Zagreb, 1887.